

Льоренте Хуан Антонио

**Критическая история
испанской инквизиции**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Х98

Х98 **Хуан Антонио Л.**
Критическая история испанской инквизиции: Том 1 / Льоренте Хуан Антонио –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 807 с.

ISBN 978-5-519-94283-6

ISBN 978-5-519-94283-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Juan Antonio Lorente

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Испании на протяжении целых столетий с особенной яркостью проявлялась реакционная роль католической церкви и ее всемогущего орудия—инквизиции. Ни в какой другой стране инквизиция не достигла такого расцвета, как в Испании, нигде она не пустила таких глубоких корней, как в этой стране, опутанной со всех сторон церковной паутиной. Своей чудовищной кровожадностью, таинственностью, которой она окружала все свое судопроизводство, произволом своих решений, утонченным сладострастием своих пыточных приемов, расчетливой жестокостью своих застенков и секретных тюрем инквизиция нагоняла на людей панический ужас. Передововеренная абсолютной монархии, она сделалась мощным рычагом ее политических интересов.

В Испании при Фердинанде Католике (1474—1516) и Изабелле I начался процесс преобразования феодального государства в абсолютное; последнее с большой ловкостью использовало враждебные отношения между городами и дворянством, с тем чтобы ликвидировать политические вольности тех и других. Расцвет политических вольностей городов, имевших своей материальной основой их хозяйственный рост, начался с XII в. С целью защиты своих вольностей (фуэрос) города объединялись в германдады; наибольшей известности достигла так называемая «святой германдада», союз кастильских городов, возникший под эгидой королевской власти и направленный своим острием против дворянства. «Уже в XIV столетии,—пишет Маркс,—города представляли самую могущественную часть кортесов, в состав которых входили их представители вместе с представителями духовенства и знати»¹. Еще Фердинанд и Изабелла вели борьбу против феодальной аристократии, опираясь на города, но при этом началось и первое наступление абсолютизма на политические вольности городов. Эта борьба была завершена при Карле I (1516—1556) с таким «успехом», что города были лишены не только своих политических привилегий, но и своей экономической мощи, чем было положено начало общему хозяйственному упадку Испании. «Если после царствования Карла I,—пишет Маркс,—политический и социальный упадок Испании обнаруживал все

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. X, стр. 719.

позорные симптомы медленного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи, то все же при этом императоре прах древних вольностей покоился по крайней мере в пышной гробнице. То было время, когда Васко-Нуньес Балбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес—в Мексике, Писарро—в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдorado, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала... но вокруг лились потоки золота, звенели мечи и зловеще горело зарево костров инквизиции»¹.

Итак, роль городов сошла на-нет. Так же круто Карл расправился с феодальной знатью и дворянством. Оставалась церковь; учреждением инквизиции она была также превращена в послушное орудие абсолютизма.

«Бесславное и длительное гниение» (Маркс) Испании после Карла I было также результатом деятельности инквизиции, одного из наиболее позорных и мрачных явлений мировой истории.

Испания утратила свое господствующее положение среди европейских держав, она потеряла свое значение как торговая, промышленная и колониальная держава; как сквозь дырявое решето через нее прошел колоссальный поток богатств, награбленных ею в Америке, но, потеряв все, она зато сохранила до XIX столетия инквизицию. Если хозяйственная, политическая и культурная отсталость Испании создала благоприятную обстановку для консервации этого мрачайшего пережитка средневековья, то инквизиция в свою очередь способствовала дальнейшему упадку и одичанию прежде великой страны. Дорогой ценой расплатилась Испания за изгнание евреев, мавров, морисков, которые составляли стеновой хребет ее экономики. Они были банкирами, крупными торговцами, ремесленниками, крестьянами. Их изгнание обескровило целые отрасли народного хозяйства и послужило исходной точкой начавшегося хозяйственного регресса Испании. Изгнание мавров, морисков и евреев было в значительной степени делом рук инквизиции, которая, с одной стороны, работала по указаниям испанского абсолютизма, а с другой стороны, подталкивала последний, когда он колебался. Общеизвестен факт, что при издании декрета об изгнании евреев Фердинанд опасался последствий этого шага и решился на него только под давлением Торквемады.

Эпоха Филиппа II (1556—1598) была вехой в истории Испании; под покровом внешнего блеска скрывалось уже глубокое разложение. Золотой поток, бурно хлынувший из Южной Америки, не задерживался в Испании и оседал в других странах, которые за счет испанского золота успели развить у себя промышленность. Прежде развивавшаяся испанская промышленность стала приходить в упадок; этот процесс не могла приостановить протекционистская политика Филиппа II, ибо ее результаты нейтрализовались работой инквизиции, обогащавшей абсолютизм конфискациями, но душившей источники хозяйственного роста страны.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. X, стр. 720—721.

По мере того как росла и развивалась инквизиция, этот чудовищный спирит, присосавшийся к телу Испании, последняя приходила все в больший упадок. В течение XVI и XVII вв. Испания потеряла большую часть Нидерландов, часть Вест-Индии, свой флот, свое население, утратила всякие следы своей былой хозяйственной мощи, страна одичала, целые провинции обезлюдели. Войны (тридцатилетняя война, война за испанское наследство) еще больше способствовали этому. Бурбоны, занявшие с 1700 г. испанский престол, не остановили этого процесса развала Испании. Они, правда, своей экономической политикой пытались поставить Испанию на рельсы более современного развития, они изгнали иезуитов в 1767 г. и даже пытались ограничить инквизицию в ее правах, но это были жалкие и неудавшиеся попытки. «...абсолютная монархия в Испании,—замечает по этому поводу Маркс,—имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления»¹. Ни одно из учреждений испанского абсолютизма не способствовало в такой мере общему упадку Испании, как инквизиция. Изучение истории испанской инквизиции это есть вместе с тем изучение истории регресса Испании во всех областях; все прогрессивное, что Испания смогла сохранить в себе, она сохранила вопреки инквизиции. Можно сказать, что до начала XVIII в. испанская инквизиция является одной из определяющих сил истории Испании.

Самую же историю инквизиции нельзя лучше изучить, чем на примере именно испанской инквизиции, являющейся наиболее типичной и давшей в развернутом виде все те черты, которые мы находим иногда в эмбриональном состоянии в инквизиции других стран.

Этими соображениями оправдывается издание настоящей работы. В статье проф. Лозинского отмечается историографическое значение работы Льоренте, который был едва ли не первым, получившим доступ к архивам испанской инквизиции и сумевшим с достаточной полнотой их использовать. Если у Льоренте встречаются иногда мелкие ошибки в вопросах, не связанных непосредственно с его темой, то в том, что имеет прямое отношение к испанской инквизиции, он проявляет величайшую тщательность и, мы бы сказали даже, щепетильность. Пусть читатель обратит внимание на то, с какой скрупулезностью он излагает постановления и инструкции, регламентирующие все процедуры, обычаи и судопроизводство испанской инквизиции (см. например гл. VI, VII, IX, XXII в I томе и т. д.). Льоренте даже не всегда анализирует излагаемые документы, но излагает он их всегда досконально, по параграфам, причем в редких случаях цитируется оригинальный текст, вероятно потому, что в момент писания своей работы Льоренте не имел доступа к архивам инквизиции², которые он однако до этого тщательно обследовал.

Следует отметить, что труд Льоренте основан не только на чисто архивных данных, но и на мемуарах современников, на церковных летопи-

¹ Там же, стр. 722.

² О причинах этого см. ниже статью проф. Лозинского, а также предисловие самого Льоренте.

сях отдельных частей Испании, сборниках документов, фундаментальных исторических работах, которые он привлекает, правда, только по отдельным частным вопросам. При этом Льюренте зачастую критически сопоставляет цитируемых им авторов с показаниями архивных документов и на этой основе исправляет ошибки и неточности у первых. Для примера можно привести историю Дон Карлоса, сына Филиппа II, про которого было написано столько романтических историй (в том числе и Шиллером). Льюренте развенчивает трогательный исторический миф о Дон Карлосе и показывает читателю неприкрашенный образ этого разнузданного, взбалмошного и наделенного с детства психопатологическими склонностями юноши, вознесенного на вершину одного из самых могущественных государств того времени, носившегося с мыслью об убийстве своего отца. На основе подлинных документов, мемуаров и исторических работ современников (Кабрера, Вандер-Гамен, Эстрада, Кирхер) Льюренте реставрирует печальный образ этого исторического недоросля, которому противостоит не менее печальный образ его жестокого и фанатичного отца, замучившего (если не отравившего) своего сына¹.

В этой достоверности документации лежит первое достоинство исторического труда Льюренте. Обилие хорошо проверенных фактов по истории испанской инквизиции не лишало интереса эту книгу даже для современных специальных исследователей этого вопроса. В тем большей степени она важна для советского читателя и исследователя, вооруженного могучим орудием марксистско-ленинского метода. К книге Льюренте следует подходить, как к арсеналу, откуда можно брать оружие для борьбы против церкви, ибо не надо лучшего разоблачения гнусной эксплуататорской роли церкви и созданных ею учреждений, как беспристрастно написанная история ее. Даже в классовой борьбе современного пролетариата против поповщины и ее одурманивающей лжи книга Льюренте может дать много аргументов-фактов в тех странах, где католицизм еще держит в своих цепких лапах массы. «Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства», — замечает товарищ Сталин², а для ликвидации влияния реакционного духовенства книга Льюренте может быть использована и сегодня.

Второе достоинство книги Льюренте заключается в том, что она проникнута духом протеста против инквизиции. Нужно суметь уловить за внешней респектабельностью автора, за его стремлением сохранить беспристрастие летописца испанской инквизиции скрытый бунтарский дух и даже ненависть к ней, ненависть, которую должен был питать хороший католик к учреждению, которое, по его мнению, подрывало основы религии. Не следует забывать эпохи, в которую жил Льюренте³: это было время, когда в Европе бушевал ураган буржуазной французской революции, когда

¹ Мы упомянули только наиболее яркий пример процесса, где Льюренте сказал в свое время новое слово. Об остальных он сам упоминает в своем «Введении».

² Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, изд. 10-е, стр. 193.

³ Биографические данные о Льюренте см. в статье проф. Лозинского.

наполеоновские солдаты приносили с собой веяния революционной Франции. Непосредственная соседка Франции,—Испания не могла не подвергнуться воздействию революционного циклона. Наполеон, несколько не считавшийся с национальными стремлениями Испании, натолкнулся на ее жестокое сопротивление, и здесь-то именно и вскрылось, какие огромные силы таил в себе испанский народ.

«... Наполеон, подобно всем людям своего времени, считавший Испанию безжизненным трупом, роковым образом должен был с изумлением уеодиться, что если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части были черев край силы сопротивления»¹.

О самом движении Маркс далее пишет следующее: оно «было направлено скорее *против* революции, чем *за* нее. Будучи национальным благодаря провозглашению независимости Испании от Франции, оно было также династическим, ибо противопоставляло «возлюбленного» Фердинанда VII Жозефу Бонапарту; оно было реакционно своим противопоставлением древних учреждений, обычаев и законов рациональным новшествам Наполеона; оно было суеверно и фанатично, ибо так называемому французскому атеизму и уничтожению особых привилегий римской церкви противопоставляло «святую религию»².

Льоренте выступил против этого движения, которое таило в себе одновременно революционные (национально-освободительная внешность) и антиреволюционные черты; он принадлежал к лагерю *affrancesados* (офранцузившихся), и этим определялось его критическое отношение к инквизиции. Вот это-то свежее дыхание французской революции, которое не могло не отразиться на книге Льоренте, делает ее особенно ценной.

На всем протяжении своей книги Льоренте, при всей сухости изложения, характеризует испанскую инквизицию и ее деятельность самыми злыми, ядовитыми, проникнутыми горечью словами. Об инквизиторах он пишет как о «фанатиках», «варварах» и «каннибалах», как об одержимых «яростью тигров», он возмущен их «несправедливостью»³.

Когда перед глазами проходит этот калейдоскоп безгранично холодной жестокости, вероломства, предательства, невежества и лицемерия, то возмущение Льоренте «несправедливостью» инквизиции кажется по меньшей мере наивным.

Наирность «доброго католика» так и сквозит, когда он доказывает несовместимость инквизиции с духом христианства. Льоренте не может понять той элементарной истины, что если инквизиция не была предусмотрена буквой евангелия, то она находилась в полном соответствии со всем духом и деятельностью католической церкви; инквизиция была порождена материальными интересами католической церкви и испанского абсолютизма, между которыми она пыталась соблюсти равновесие.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. X, стр. 722.

² Там же, стр. 726.

³ См. у Льоренте различные факты, подтверждающие его характеристики, в т. I, стр. 77, 414, 496—497, 484, 491—492 и т. д.

Исключительная жадность католической церкви, в особенности ее главы—папы,—к деньгам является общепризнанным фактом и может быть доказана бесчисленным количеством примеров на всем протяжении ее истории. Нет той подлости, нет того вероломства, на которые не пошел бы наместник св. Петра из-за денег; за деньги Ватикан продавал все, начиная от индульгенций и булл и кончая папской тиарой, ибо, не подкупив конклава, нельзя было рассчитывать на папский престол, и побеждал обычно тот из претендентов, кто подкупал большее число кардиналов.

Таков же был стимул деятельности испанской инквизиции. Льоренте имел довольно зоркий исторический глаз; он не мог не видеть, что так называемая «борьба за чистоту религии» в подавляющем большинстве случаев была только ширмой, за которой скрывалась жадная погоня за конфискуемым имуществом еретиков. Любопытно отметить разделение функций в деле ограбления обвиняемых между испанским абсолютизмом и папством; инквизиция служила для первого рычагом, которым он перекачивал большую часть конфискованного имущества в свои карманы. Говоря об изгнании евреев из Испании, Льоренте например подчеркивает, что «настоящим мотивом этой чрезвычайной меры было применение против евреев системы конфискаций, которая должна была передать в руки правительства все их богатства»¹. Теми же соображениями диктовалась политика инквизиции в отношении мавров, морисков, маранов и лютеран, с той разницей, что в отношении мавров и морисков действовало стремление захватить не столько их золото, сколько землю. В скобках заметим, что в этом отношении инквизиция послужила орудием обезземеления испанского и мавританского крестьянства. Льоренте также приводит любопытнейшие факты, касающиеся деятельности инквизиции в отношении лютеран-иностранцев. Здесь господствовал полный произвол даже с точки зрения инквизиционной юриспруденции и преобладало только одно стремление—огробоить случайно попавшего в лапы инквизиции иностранца.

Если абсолютизм, пользуясь инквизицией, как насосом, выкачивал колоссальные средства путем конфискации имущества обвиняемых, то папство избрало себе другой путь. Папа принимал апелляции на приговоры инквизиции, получая за это приличную мзду, заводил бесконечную переписку, обманывал обе стороны, пока ему не удавалось выкачать из несчастной жертвы все, что только было возможно. Однако далеко не всегда дело кончалось в пользу обвиняемого.

Читатель найдет красноречивое описание целой серии подобных случаев у Льоренте, и поразительно, с какой поистине обезьяньей ловкостью инквизиция лавировала между папством, стремившимся в оправдание полученных им от пострадавших денежных авансов вырвать хоть какой-нибудь оправдательный приговор, и испанским абсолютизмом, также домогавшимся иногда вырвать из инквизиционной паутины попавшего туда приближенного двора. Инквизиционные пауки очень не любили выпускать попавшую к ним жертву, и поэтому в подобных случаях они стравливали

¹ Льоренте, История испанской инквизиции, т. I, стр. 13.

между собой папу и короля, опираясь на одного против другого. Эта политика дает повод Льюренте заметить, что испанская инквизиция была «чудовищным учреждением». «Их защита перед главой церкви,—пишет наш историк инквизиции,—состояла в утверждении, что указы римской курии были противоположны указам, полученным от испанского короля. Равным образом они обходили указы государя, оправдывая свой отказ мнимой необходимостью сообразоваться с буллами, которые отлучили бы их, если бы они повиновались королевским указам»¹.

Однако было бы большим заблуждением с нашей стороны, если бы мы на этом основании пришли к выводу о независимости инквизиции от всех общественных сил. Положение Маркса о том, что испанская инквизиция была орудием в руках королевской власти, незыблемо. Значительная же часть конфликтов инквизиции с папами объясняется тем, что первая в своих действиях больше считалась с интересами абсолютизма, чем с интересами папства. Да это и неудивительно: в тот исторический момент, когда королевская власть закладывала основы централизованного государства, инквизиция могла существовать, только будучи орудием этого государства; она неизбежно должна была врасти всеми своими корнями в социальную почву страны, и поэтому ее связь с Римом должна была несколько ослабеть.

Льюренте этого не понимал. Он утверждал, что инквизиция была аполитична, что она не служила ничьим политическим интересам, и сам же опровергал свои утверждения приводимыми им в дальнейшем фактами. В доказательство своего тезиса Льюренте приводит например то обстоятельство, что инквизиция часто запрещала «превосходные произведения, составленные в защиту прав королевской власти»². На самом деле эти запрещения были только одним из эпизодов в упомянутой нами выше политической игре инквизиции, дававшей ей возможность увеличивать объем своей власти, используя столкновения, происходившие в некоторых случаях между испанской монархией и католическим престолом. В другом месте Льюренте пишет, что ошибаются те, которые думают, будто инквизиция была «шпионским трибуналом», служившим орудием политической борьбы в руках правительства. Между тем в действительности инквизиция, имевшая к своим услугам прекрасный для того времени, широко разветвленный информационный аппарат и тщательно составленные списки еретиков, представляла собой предтечу современной политической полиции, ставившую своей задачей борьбу против революционных движений той эпохи, маскировавшихся в форму ереси³. Да и в более поздние эпохи, когда карательная мощь инквизиционного молота ослабела, инквизиция продолжала выполнять политические задания королевской власти. Разве испанская инквизиция не выполняла политических функ-

¹ Там же, т. I, стр. 551.

² Там же, стр. 320.

³ См. например работы проф. Лозинского, *Испанская инквизиция*, 1914, и *Святая инквизиция*, 1927, а также книгу Ли, *История испанской инквизиции*.

ций в знаменитом процессе Переса, министра Филиппа II? Разве не через инквизицию действовал Карл IV, запрещая пропаганду идей и распространение книг, имевших отношение к буржуазной революции во Франции? Во всех трудных и запутанных случаях испанская монархия действовала через свою инквизицию.

Не лишено интереса то обстоятельство, что в тех отдельных случаях, когда инквизиция пыталась действовать самостоятельно от королевской власти или даже взять над ней опеку, Льоренте с негодованием обрушивался на инквизицию за эти дерзкие попытки подчинения себе светской власти. Возможно, что здесь он не остался без влияния церковно-религиозной политики буржуазной французской революции.

Льоренте возмущен «варварским» судопроизводством святого трибунала; все зло он усматривает в таинственности, которая окружает деятельность инквизиции на всех этапах следствия и процесса. «...Тайна—душа каждого инквизиционного трибунала,—пишет Льоренте,—она животворит, поддерживает и укрепляет его деспотическую власть»². Для характеристики духа инквизиции достаточно сказать, что с точки зрения ее принципов можно простить лгуна, лицемера, сладострастника, соблазнителья, клятвопреступника, но только не «еретика». Именно такова «философия» инквизитора Севальоса в отвратительной истории с капуцином, соблазнившим 13 монахинь³. Инквизитор беседует с капуцином «по душам» и прямо говорит ему, что если он не хочет быть сожженным, то он должен отказаться от своей теории «откровения», так как это еретический взгляд; за все прочие его преступления, вместе взятые, он может отделаться сравнительно легко, если отпадет главное. Вообще инквизиция стремилась не разглашать преступлений, касающихся священников при исполнении ими их служебных обязанностей, так как это могло вызвать слишком большое возмущение. С этой точки зрения заслуживает самого большого внимания история с знаменитым авантюристом, поддельвателем и жуликом лженунцием Сааведрой⁴, к которому инквизиция отнеслась с поразительной снисходительностью только потому, что в этом деле не было элементов ереси, а только беспримерное мошенничество.

Конечно Льоренте критикует инквизицию не как атеист, а как «добрый католик»; вы не встретите на всем протяжении его труда предложений о ликвидации инквизиции, он хочет ее только реформировать в духе «гуманности»; в свое время проект реформы был им представлен главному инквизитору Абад-и-ла-Сиерра. В критике Льоренте читатель часто почувствует душок «своего же человека» из лагеря инквизиции. С высокомерной пренебрежительностью образованного церковника он разделяет невежественных квалификаторов, знающих только схоластическое богословие, но не знающих догматического и поэтому принимающих иногда за ереси высказывания, утвержденные отцами церкви или соборами. Перед

¹ *Льоренте*, История испанской инквизиции, т. II.

² Там же, т. I, стр. 12.

³ Там же, т. II, гл. XXVIII.

⁴ Там же, т. I, гл. XVI.